

Выход или тупик?

В. Белов. **Повесть об одной деревне**
Вологда, «Книжное наследие», 2003

Б. Рыжий. **На холодном ветру**
СПб., Пушкинский фонд, 2001

Рубен Давид Гонсалес Гальего. **Белое на черном**
СПб.—Москва, Лимбус-пресс, 2004

Э. Лимонов. **Книга воды**
М., «Ад маргинем», 2002

В повседневном, отнюдь не целеустремленном, а уж скорее разбросанном чтении часто сталкиваются разные, совсем не сходные и не сродные книги. Но порой вдруг обнаруживаешь неожиданный, соединяющий их всех «интеграл» — в прикосновении, хоть и с разных сторон, к глубинным проблемам и вопросам жизни. А их ведь не так много: как жить, чем жить и, из самой сути, — зачем жить.

«Повесть об одной деревне» Василия Белова продолжает ряд картин деревенской жизни, которые представлены были предыдущими работами писателя. Вернее, возобновляет этот ряд, прерванный на какое-то время книгами, уходившими в глубь истории русской деревни, в трагическую для нее пору коллективизации («Кануны»), либо — книгами о городе. К городской жизни, «городским» идеалам и обиходу писатель был пристрастно строг: именно оттуда шло, мол, все разлагающее деревенскую жизнь — от мини-юбок и «дергательной» музыки до разорительных затей «демократов» и инородцев.

Как ни странно, в новой работе разоблачительный пафос писателя много сдержаннее. Ну помянет он «иконников» грабителей, обирающих простодушных сельских бабушек; связвит по адресу шарлатана-нарколога (к этой категории специалистов у писателя почему-то особая неприязнь); ругнет Ельцина. Но все-таки основное внимание писателя направлено в сторону, как сказали бы в прежние годы, «позитивно прекрасного». Не поднимается это прекрасное на котурны или даже на цыпочки, не воображает много о себе — но проявляется то в застенчивой заботе о соседе, то в острой шутке, даже и «непечатной»... Пустеет и слабеет деревня; и потому, может быть, самые отрадные страницы, самые светлые — про «прошлое»: как работали в войну «на окопах» и как с этих «окопов» ударили, как пели и веселились в молодости, — хоть пора-то не больно была веселая.

И все ж и в сегодняшней деревенской жизни, и атакуемой, как кажется писателю, со всех сторон чуждыми, злыми силами, и надорванной десятилет-

ями большевистских экспериментов, есть нечто, ее поддерживающее и жизнеспособное. Хотелось бы сказать: внушающее надежду; но ее свет — еще не отчетлив. Сколько ни поминай, каких обещаний большевики надавали да не выполнили, одно, не виданное нигде в мире, им удалось — если не целиком уничтожить, то лишит самодвижущей, творческой силы, духовной, экономической и социальной, — русское крестьянство. Когда набегающие сегодня время от времени социологи опрашивают оставшихся о направлении жизни, самое частое слово в ответ: выживаем.

А что же все-таки поддерживает? Власть ли это земли (не единожды отбираемой), сила ли традиций (как их ни осмеивали и ни старались заменить «новым советским бытом»), родственные ли скрепы — но и сегодня, как показывает писатель, «роевой», единый дух живет и в стариках, и в новой поросли, совсем малой (молодых на всю деревню — один-двое).

В одной из прежних повестей Белова есть такая знаменательная сцена: два старика (а третий — рассказчик) за вином начали вспоминать прежние свои годы. Один, что называется, «Олеха-простота», настрадавшийся и в коллективизацию, и войну, и после. А второй — «активист» Авенир, и этот строитель будущего много навредил землякам своим — ну и самому Олехе. Вспоминали, вспоминали — и разодрались. Рассказчик ушел от греха подальше, а когда вернулся, увидел, что старики не то что не убили друг друга, — сидят, обнявшись, и поют что-то старинное, из давних, до всех распрей, лет.

А возможно ли это «роевое», единое людей сознание «вне земли»? Во всяком случае, то, что мы видим в сегодняшней жизни, — чаще единение «против». Против чужаков, против иновцев, против тех, кто не так беден, как я. Они, «другие», исключаются порой даже из разряда «людей» — и чего, мол, тут еще понимать? Конечно, и непонимание, неприятие, ненависть тоже могут быть соединяющей силой (и сколько тому примеров!). Но только не создающей...

Следующая книга — другого склада, другого настроения, про другую жизнь. Борис Рыжий полжизни прожил в Свердловске, а вторую половину — в Екатеринбурге. Там окончил университет, там начал печататься (а вскоре и в столицах), получил одну из литературных премий, увидел свои стихи и отдельной книгой. Успевал и по университетской геофизической специальности, напечатал несколько научных

работ. И — покончил с собой в мае 2001 года, двадцати семи лет...

Тайна самовольно выбранной и собственноручно исполненной смерти притягивающе и необъяснимо озадачивает. И по житейской привычке все объяснять мы начинаем искать «подталкивающие обстоятельства» — как будто есть незадачи и передрыги, способные перевесить саму жизнь, во всей ее полноте...

Глубже всех об этом сказал Пастернак в книге «Охранная грамота», обдумывая смерть Маяковского: самоубийству как действию предшествует полное и необратимое отъединение — не только от всех «других», но и от самого себя.

Есть и еще одна сторона: поэт Борис Рыжий (судим по стихам...) жил, словно бы никогда не забывая замечания одного его собрата по перу: «может быть, самое интересное в жизни — это смерть»... Есть у него такая строчка: «...за ночь жить так просто разучиться...»; смерть возникает в очень многих его стихах — то как будущее; то стоящая рядом; отвергаемая — и почти что желанная.

Но мы не зря назвали здесь город Бориса Рыжего двумя именами — вчерашним (и давним) и сегодняшним. Обстоятельства места и времени не сбросишь со счетов. Поэт (тоже, увы, покойный) Александр Тихомиров придумал в свое время слово «полугород». Это не про «населенный пункт районного значения», а про воплощение строящегося социализма. Не будем хаять город Свердловск (тем более, что мы вообще его не видели), но в стихах Бориса Рыжего он предстает именно таким — без прошлого и без будущего:

В Свердловске живущий,
Но русскоязычный поэт,
Четвертый день пьющий,
Сидит и глядит на рассвет.
Промышленной зоны
Красивый и первый певец
Сидит на газоне,
Традиции новой отец.
Следит за погрузкой
Песка на раздолбанный ЗИЛ —
Приемный, но любящий сын
Поэзии русской...

Эта смесь иронии по отношению к себе, жалости к миру, ощущения его мгновенной, пролетающей прелести придает стихам Бориса Рыжего пронзительную, пронзительную особость... Вот хотя бы:

Не вставай, я сам его укрою,
Спи, пока осенняя звезда
Светит над твоею головою
И гудят сырые провода.
Звоном тишину сопровождают,
Но стоит такая тишина,

Словно где-то четко понимают,
Словно чья-то участь решена.
Этот звон, растягивая, снова
Стягивая, можно разглядеть
Музыку, забывшись, вставить слово.
Про себя печальное напеть...

Нечто знакомое — по интонации,
по «звуку» — слышится в этих стихах.
Конечно, Георгий Иванов: отзвуки внима-
тельного его чтения заметны в кни-
ге. Но созвучность — большая, созвуч-
ность душевного состояния: эмигрант-
ской отстраненности (поневоле!) от да-
лекой России и безнадежной отстра-
ненности от нее, невыносимо близкой.
И талант (а это, если вы помните, на ста-
ром русском — судьба) оказался раз-
ный: наш «Георгий Иванов из микрораи-
она» — судьбой своей распорядился
сам...

Об этой книге говорить нестер-
пимо трудно: любые слова по-
кажутся пустыми по сравнению
с тем, как она написана, а главное — с
той жизнью, которая в ней предстает.

Судьба Рубена Давида Гонсалеса
Гальего может показаться выдумкой
злого чародея или, по крайности, не-
мыслимым воплощением в реальность
какого-нибудь «черного романа». Он
родился от недолгого брака революци-
онного латиноамериканца и дочери ге-
нерального секретаря испанской комму-
нистической партии. Родился — в Со-
ветском Союзе. Родился — тяжело
больным. И то ли тогдашние наши «ру-
ководители международного коммуни-
стического движения» хотели насолить
испанцу (он был из так называемых «ев-
рокоммунистов»), то ли это произошло
по какой-то иррациональной глупости,
но Авроре Гальего сказали, что ее сын
умер. Она вскоре уехала из СССР, а сын
ее был отправлен скитаться по детским
инвалидным домам (почти в каждом из
которых слышал, что мать, «чернокопая
сука», его бросила) с перспективой по-
пасть уже во взрослый инвалидный
дом, где он, неходячий, вскоре бы и
умер, как умерли многие его товарищи
по «счастливому детству в стране соци-
ализма»...

А он — не умер. И написал книгу,
сила которой — в глубинной, внутренней
выстраданной и прожитой правдивости.

В этой книге (получившей буке-
ровскую премию за минувший год) есть
глава, которая называется «Мечты». О
том, как совсем маленьким Рубен
мечтал о маме, а потом понял: он нико-
му не нужен. Как мечтал встать на
ноги — в самом буквальном смысле
этих слов, — а потом понял: этого нико-
гда не будет. Как мечтал (пусть будет от
него хоть какая-то польза!): пусть поса-
дят его в ракету-торпеду, и он обрушит-
ся на врагов, станет камикадзе. Дейст-
вительно, с безрассудностью и отвагой
камикадзе он сражался и за жизнь, и
против нее — против той очевидной
(ничего иного, как сказали бы детдо-

мовцы, ему и не светило) ее однознач-
ности, с жалкой смертью в конце.

Среди пронзительных глав этой
книги есть одна, на которой буквально
замирает сердце. Герой ее попал туда,
где по всем статьям и предостояло ему
кончить жизнь — в дом престарелых.
Где только умирают: «Дедушка, бывший
заключенный, проломил костьюем го-
лову соседу по палате. Бабушка, заслу-
женный ветеран труда, повесилась в
стенном шкафу. Женщина в инвалидной
коляске съела горсть снотворных таб-
леток... чтобы навсегда покинуть этот
правильный мир...» А он? «...Я выписы-
ваю в тетрадку неправильные англий-
ские глаголы... Неправильный человек
в правильном мире, я упорно учу ан-
глийский язык...»

Это потом, когда наступит «пере-
стройка», Рубену пригодится английский
язык, и Америку он увидит. А тогда... Но,
видимо, если человек на «флаге своей
судьбы» пишет «Только жизнь!», — лю-
бое достижение, любая победа, пусть
без всякого видимого практического
смысла, продвигает в эту жизнь: еще
одна отвоєванная пядь земли.

А опора? Только в себе? «Учителя
рассказывали мне о дальних странах, о
том, как жизнь прекрасна и каждому
найдется место на земле, если хорошо
учиться и слушаться старших. Они все-
гда лгали. Лгали все. Не лгали только
нянечки... Обычные сельские тетки.
Они не врали никогда... Они были веру-
ющими. Все». И вот тут мы вдруг осозна-
ем, как протягивается нить от того, «ро-
евого», полуразрушенного, но не для
себя только живущего мира «по Бело-
ву», к одинокой судьбе ребенка...

После чтения «Белого на чер-
ном» книга Эдуарда Лимонова
выглядит невыигрышно: хотя
он и считается в литературных кругах
крепким профессионалом, сразу заме-
чаешь, как много в тексте излишних, а
то и просто ненужных слов. Хотя сам за-
мысел занятен: рассказать о всех тех
морях-океанах, речках и ручейках, куда
«приводила жизнь». Впрочем, можно
было бы взять любую из семи книг, на-
писанных им за последние годы, — все
они гораздо больше о нем самом, чем
о чем-либо другом. Но тут возникает
вопрос оценки: в какой мере адекват-
ны самой реальной личности эти обра-
зы в зеркалах прозы или стихов? Но
можно и так судить, что нам, читателям,
это, в сущности, и не важно: значимо и
интересно само повествование — и лад-
но; а насколько «выдумал себя» автор —
это его дела... Одно можно заметить:
дистанция между героем книги, в дан-
ном случае «Эдичкой», и автором суще-
ствует *всегда*; без нее и разглядеть се-
бя, и «описать» — попросту невозможно.

И еще одно соображение возни-
кает при чтении «Книги воды». Извест-
но, что каждый возраст жизни вносит
свой вклад в становление личности;

а если что-то недовнесено, это грозит
личности явным ущербом. А может быть
и так, что детское не пережито по на-
стоящему, а спряталось под взрослыми
оболочками и одеждами. Когда в нача-
ле прошлого века известный мистик (и
мистификатор) Георгий Гурджиев прово-
дил опыты по «определению истинного
духовного возраста», оказывалось, что
какому-нибудь директору департамен-
та по этому показателю — лет семь, а
приват-доценту — и вовсе три...

Лимонов известен всем — свои-
ми воинственно-парадоксальными дек-
ларациями, шумными выходками его
юных «нацболов», наконец тем, что, раз-
дразнив-таки власть, заставил обра-
тить на себя ее специфическое внима-
ние — попал в тюрьму, где за два с лиш-
ним года и написал свои семь книг.

«Прочитав первые сорок страниц
рукописи, я нашел только войну и лю-
бовь», — пишет он о своей книге. И ве-
рно: про войну и про любовь там поболь-
ше, чем про моря-океаны... И дальше,
в том же духе: «...я уже давно знал, что
мне нравятся разрушенные города»...
Но вот что странно (а в итоге — так и
отрадно): в книге Лимонова нет, в сущ-
ности, ни злобы, ни агрессии — в ней
нет врага. И тут понимаешь, что в обра-
зе воинственного Эдички идет доигры-
вание детской недоигранной «войнуш-
ки», со всеми ее понарошку «убитыми»
и «пленными». Впрочем, не стоит толь-
ко смотреть на это снисходительно: мол,
чем бы дитя ни тешилось... Из работ
психологов минувшего века (вспомним
хотя бы замечательную книгу Э. Берна
«Игры, в которые играют люди») мы зна-
ем, что такие игры действительно серье-
зны; и ставкой в них нередко оказы-
вается жизнь. Да и самого Лимонова
взять — он за свою «войнушку» запла-
тил все ж тюрьмой...

И есть тут один небезопасный мо-
мент: пока человек играет сам с со-
бой — его дело; но когда вовлекает «ма-
лых сих» — уже дурно: потворствует сла-
бости. Слабость же вот в чем: молодому
человеку невероятно трудно конст-
руктивно ориентироваться во взрослой
жизни; в сегодняшней ее сумятице —
вдвойне. А свергнуть все «ради револю-
ции» — соблазнительно просто, и вот
отсюда энтузиазм юных лимоновских
приверженцев. Они-то ведь не играют,
они защищаются от непосильной слож-
ности жизни. А защита так легко пере-
ходит в нападение.

Вот так услышалась в этих столь
разных книгах общая доминанта:
что есть жизнь и как с ней обхо-
диться. Думается, Рубен Гальего сумел
показать, что самый неблагоприятный,
самый безысходный ее жребий — все
ж не безысходен и дает возможность
преодоления. А «игры жизни» — путь
хоть и более доступный, но ведущий во
мнимость.

В. Рыбаков